

ИСТОРИЯ, НАРОДНОСТЬ, ПОЛИТИКА И ВОЙНА.

Бесѣды военного на современныя темы.

III ¹⁾.

Не надо забывать, что нѣмецкое движеніе выражается у насъ, на Руси, еще рельефнѣе, чѣмъ на Востокѣ.

Съ прибытіемъ въ 13-мъ столѣтіи въ Балтійскій край нѣмецкаго ордена, и въ особенности начиная съ 15-го столѣтія, а потомъ при Петрѣ, Екатеринѣ, а особливо въ 19-мъ вѣкѣ, нѣмецкая колонизація Россіи всегда подвигалась безостановочно и въ высшей степени успѣшно. Наплывъ нѣмецкой интеллигенціи и нѣмецкаго капитала всегда былъ поощряемъ всеми средствами. Такъ мирное завоеваніе Россіи подготовлялось вѣками. Кому неизвѣстна красно-рѣчивая современная статистика успѣховъ нѣмецкой колонизаціи, промышленности и торговли здѣсь на Руси? Цѣлые фабричныя

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», 1914 г. № 1.

центры на нашихъ окраинахъ и громадная часть эксплуатаціи природныхъ нашихъ богатствъ—въ нѣмецкихъ рукахъ. Всѣ почти доходныя предприятия, хотя бы по электрическому освѣщенію и энергіи, устроены нѣмцами. Срокъ концессій, предоставленныхъ нѣмецкимъ обществамъ, весьма продолжительный: 40-50-лѣтній. Не даромъ они такъ добиваются расширенія сѣти германскихъ консульствъ въ Россіи! И какой пламенный, германскій патриотизмъ кипитъ въ грандіозныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ у насъ! Что же касается сельскихъ, деревенскихъ нѣмецкихъ колоній въ Россіи, то еще 30 лѣтъ тому назадъ я имѣлъ случай слышать восторженно-удивленное восклицаніе одного нѣмецкаго пастора, проѣхавшаго черезъ Польшу и Волинь, вплоть до Кіева, исключительно нѣмецкими колоніями; онъ все новторялъ: «вѣдь это цѣлая новая Германія!»

Для славянства, ищущаго объединенія, не лишне помнить исторію нѣмецкой объединительной политики и созданія новой великой Германіи, съ ея міровыми задачами.

Среди революціоннаго движенія въ Германіи 1848-1849 гг., Пруссія задумала образовать новый нѣмецкій союзъ, которому дана была конституція. Съ Австріею, до того времени стоявшею во главѣ стараго нѣмецкаго союза, предполагалось заключить особый союзный договоръ. Но Ваварія и Вюртембергъ воспротивились вступленію въ прусскій союзъ. Ихъ поддержала Австрія, которая послѣ подавленія Россіею венгерскаго возстанія, имѣла свободныя руки. Всетаки Пруссія отстояла бы свои планы, если бы послѣ свиданія императора Франца Іосифа съ императоромъ Николаемъ I, въ Варшавѣ, 26-28-го октября 1850 г., Россія не стала рѣшительно на сторону Австріи. 29-го ноября былъ заключенъ постыдный для Пруссіи Ольмюцкій договоръ, по которому Пруссія отказалась отъ уніи; Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ переданъ датчанамъ; германскій флотъ, созданный добровольными пожертвованіями, 2-го апрѣля 1851 г. былъ предназначенъ къ продажѣ съ аукціона.

Когда, во время Крымской войны, нѣкоторыя, не расположенныя къ Пруссіи, германскія государства, на Бамбергской конференціи потребовали вмѣнательства въ пользу Россіи, то Австрія и Пруссія заставили ихъ примкнуть къ своему союзу. Послѣ австро-французской войны 1859 г., въ Италіи новые раздоры между нѣмецкими державами вновь поставили на очередь вопросъ объ объ-

единеніи Германіи, чему Италия, въ лицѣ Виктора Эмануила, Капура и Гарибальди, послужила внушительнымъ примѣромъ. Пруссія возвратилась къ своей прежней уніонистской политики: Австрія же 17-го августа 1863 г. пригласила всѣхъ нѣмецкихъ монарховъ и представителей вольныхъ городовъ на германскій сеймъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, собранный подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора. Несмотря на личное приглашеніе императора Франца-Иосифа, прусскій король на сеймъ не явился. На коллективное приглашеніе представителей германскихъ державъ Бисмаркъ отвѣтилъ, что австрійскій проектъ реформы имперской конституціи не дастъ никакой гарантіи того, что интересы Пруссіи не будутъ принесены въ жертву.

Оказалось, что германскій вопросъ сводится къ вопросу о преобладаніи либо Пруссіи, либо Австріи. Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ привелъ къ рѣшительному столкновенію между нѣмецкими державами, окончившемуся пораженіемъ Австріи подъ Садовой, 3-го іюля 1866 года. Австрія вышла изъ состава германскаго союза, утративъ свое господствующее положеніе въ Германіи. Пруссія основала Сѣверо-германскій союзъ. 24-го февраля 1867 г. былъ открытъ первый рейхстагъ рѣчью короля Вильгельма I прусскаго, въ которой указывалось на необходимость приступить къ осуществленію идеи объединенія Германіи.

Король нидерландскій вздумалъ продать Франціи Люксембургъ, гдѣ Пруссія содержала гарнизонъ. Пруссія воспротивилась и хотя, въ силу лондонскаго протокола, Пруссія должна была очистить Люксембургъ, территорія котораго признана была нейтральною, но надежды Франціи на недостатокъ единодушія въ Германіи оказались обманчивыми, и загорѣлась Франко-прусская война 1870 года, сослужившая германскому единству и величію столь неожиданныя услуги. Прусскій король принялъ титулъ германскаго императора и 18-го января 1871 г. короновался въ Версалѣ.

Среди современной интеллигенціи принято считать себя гражданиномъ не только своего отечества, но и всего міра. Однако, когда выдвигаются чужіе національные интересы, въ ущербъ собственнымъ, то показной космополитизмъ обыкновенно превращается въ рѣзкій націонализмъ. И на практикѣ международной политики мы видимъ, на каждомъ шагу, пренебреженіе къ чужимъ интересамъ, доходящее до отношеній, безпощадно враждебныхъ, до чувства презрѣнія.

Очевидно, что корень зла, источникъ борьбы между народами, сводится къ племенной розни, къ защитѣ національныхъ интересовъ и достояній отъ притязаній извнѣ.

Попытаемся разобраться въ понятіи о національности и посмотримъ, какъ къ этому вопросу относятся нѣмцы, болѣе другихъ народовъ гордящіеся высокою своею культурою, а на дѣлѣ, въ политическихъ вопросахъ, менѣе всего снисходящіе къ чужимъ интересамъ, сравнительно съ собственными.

Недавно въ Берлинѣ собрались выдающіеся социологи Германіи, для обсужденія значенія національности, въ социологическомъ смыслѣ этого слова. Профессоръ д-ръ Вартъ коснулся, прежде всего, исторіи развитія національности. По его словамъ, начало ея слѣдуетъ искать въ чувствѣ принадлежности къ извѣстной группѣ населенія; уже къ концу доисторическаго времени это чувство становится до того сознательнымъ, что принимаетъ видъ сродства. По мѣрѣ того, какъ при помощи законодательства опредѣлилось понятіе о частной собственности, а изъ сословій образовалось государство, упомянутое сознаніе превратилось въ ясное представленіе о совокупности народа. вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ національнаго чувства устанавливаются твердыя понятія о собственной, родной странѣ, какъ отдѣльномъ государствѣ, о значеніи собственной языка, религіи и собственной культуры, выражающейя, прежде всего, въ обычаяхъ и искусствѣ. До особенной высоты довели національное сознаніе греческія республики, создавшія понятіе о варварскихъ народахъ. Греческая философія проводитъ, въ противоположность представленію о варварахъ, идею о культурномъ челоуѣкѣ, какъ развитомъ существѣ.

Въ Германіи, подвластной римской имперіи, національное сознаніе ограничивалось чувствомъ принадлежности къ одному племени; оно было еще ослаблено общею, вмѣстѣ съ другими народами западной Европы, принадлежностью къ римско-католической церкви. Только впоследствии, когда реформація создала національныя церкви, возникаетъ истинное національное чувство европейскихъ народовъ. Въ 17 и 18 столѣтіяхъ ему противопоставляется, въ міросозерцаніи образованнаго общества, новая гуманитарная идея, возникшая изъ положительныхъ умозаключеній энциклопедистовъ (Руссо, Лессингъ, Кантъ, согласно которому просвѣщеніе сводится къ самостоятельному мышленію), а также идеи «натуральной религіи», «естественнаго права», «естественной этики» и «естественной свободы», въ осо-

бенности въ народномъ хозяйствѣ (политической экономіи). Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Фихте, даже Шиллеръ желали трудиться на пользу человѣчества, между тѣмъ какъ нація была для нихъ лишь равноправной съ другими частью человѣчества.

Этому понятію о національности, основанному на идеальномъ правѣ, въ 19-мъ столѣтіи было противопоставлено новое понятіе о національности, основанное на правѣ силы и власти, согласно которому каждый народъ можетъ для себя требовать столько земли, сколько завоевать или захватить онъ въ состояніи. Однако, и при такомъ воззрѣніи прогрессъ, нравственность и культура не могутъ обойтись безъ національнаго сознанія. Все доброе, прекрасное и полезное можетъ быть усвоено молодежью преимущественно лишь въ національно-психологической окраскѣ.

По мнѣнію д-ра Барта, національность, кромѣ того, есть единственная, наглядная единица высшаго разряда, превосходящая индивидуальный (личный) эгоизмъ и потому способная бороться съ нимъ. Трудно отрицать, что и современный націонализмъ слѣдовало бы основывать исключительно только на идеальномъ правѣ, какъ его понимали въ 18-мъ вѣкѣ, между тѣмъ, какъ націонализмъ, основанный на грубой силѣ, означаетъ крупный шагъ назадъ по лѣстницѣ человѣческаго просвѣщенія. Но, къ сожалѣнію, этотъ послѣдній видъ націонализма въ настоящее время слишкомъ могущественъ и всемогущъ. А все-таки, по мнѣнію д-ра Барта, онъ въ Европѣ долженъ исчезать, по мѣрѣ сравненія, среди европейскихъ народовъ, общаго уровня культуры и просвѣщенія. Тогда и будутъ, по словамъ д-ра Барта, осуществлены идеи 18-го столѣтія о всемірномъ гражданствѣ, основанномъ на уваженіи правъ всѣхъ народовъ.

Свои выводы д-ръ Бартъ заключаетъ выраженіемъ увѣренности въ томъ, что нѣмцы, въ силу универсальнаго направленія своей литературы, быть можетъ, болѣе всего призваны предуготовить въ этомъ направленіи путь человѣчеству.

Спасибо пѣмецкому ученому за откровенное признаніе всемогущества націонализма грубой силы, основаннаго на понятіи о позволительности требованія такого количества земли, сколько захватить (безнаказанно) можно. Недурна также и надежда, что въ Европѣ исчезнетъ принципъ грубой силы, когда въ немъ не будетъ больше нужды, т.-е. когда (въ захваченныхъ силою странахъ) сравнится уровень (нѣмецкой?) культуры. Въ Германіи, съ такимъ успѣхомъ примѣняющей принципъ націонализма, основаннаго на политикѣ

крови и желѣза, и всегда побивающей всемірній рекордъ по части вооруженій, въ Германіи, никого не боящейся кромѣ Бога, легко говорить о космополитизмѣ, основанномъ на уваженіи правъ другихъ народовъ....

Другіе народы, а въ особенности славяне, такъ далеко еще не дошли. Въ Россіи, странѣ изъ наиболѣе космополитическихъ, какъ по этнографическому своему составу, такъ и по характеру международной своей политики, націонализмъ (русскій) стоитъ скорѣе ниже, чѣмъ гдѣ-либо, а всетаки недоброжелатели ея, внутренніе и внѣшніе, упрекаютъ ее въ увлеченіи націонализмомъ.

Сила и живучесть націонализма не ослабѣваютъ съ вѣками, а скорѣе возрастаютъ съ распространеніемъ цивилизаціи. Национализмъ—это не психозъ, не явленіе болѣзненное, а скорѣе инстинктивное, индивидуальное, и устранить національныя различія нельзя. Если бы можно было себѣ представить, что всѣ народы слились бы въ одинъ, то завтра уже, въ противоположныхъ пунктахъ земного шара, возникли бы, благодаря особенностямъ мѣстныхъ условій, новыя различія, и каждая отдѣльная группа скоро бы сплотилась въ новую этнографическую единицу. Но крови вѣдь разные народы, въ теченіе продолжительнаго своего существованія, давно смѣшались между собою. Чистыхъ расъ давно нѣтъ больше. Люди, оберегающіе чистоту расы своей, ужаснулись бы, если бы можно было въ точности опредѣлить процентъ племенной чистоты ихъ крови. Современные европейскіе народы: романскіе, германскіе, славянскіе—одна только смѣсь различной крови. Напримѣръ: нѣмцы, навѣрное, болѣе, чѣмъ на половину, смѣшались съ славянскими и другими народами, которыхъ когда-то поглотили. Славяне же смѣшались на сѣверѣ и востокѣ съ финскими и тюркскими, а на западѣ съ германскими и романскими народами. Единицы чужихъ народовъ постоянно сливаются съ могущественными націями, среди которыхъ живутъ. Рѣзкіе примѣры подобнаго сліянія каждому извѣстны.

Какъ бы то ни было отрицать этого нельзя, что всѣ безъ исключенія народы: малые и большіе, властные и подвластные, богатые и бѣдные, высококультурные и отстаые, гордящіеся блестящею своею исторіею и никогда не игравшіе самостоятельной роли среди другихъ народовъ,—всѣ они, въ большей или меньшей степени, дорожатъ своею народностью, которою поступиться не желаютъ. Самый незначительный народъ не откажется отъ своей національности, ни ради матеріальнаго и политическаго благополучія, ни для просвѣщенія и блестящаго будущаго. Давленіе въ этомъ отношеніи

сильной стороны на слабую всегда вызывает противодѣйствіе, тѣмъ болѣе упорное, чѣмъ сильнѣе давленіе. Какъ отчаянно даже малыя народности борются за существованіе, мы видѣли недавно на Балканахъ. Не одно только опасеніе за свою участь въ случаѣ утери народности заставляетъ народы отстаивать ее, а скорѣе инстинктивная вѣра въ лучшее будущее родного племени при тѣхъ условіяхъ и съ тѣмъ языкомъ, тѣми обычаями, тою культурою и направленіемъ, въ которыхъ оно сплотилось, жило и росло.

Поглощеніе чуждыхъ народностей другими скорѣе было возможно въ древнія, некультурныя времена, когда разоренный войнами, безпомощный и приниженный, или же развращенный, вырождающійся народъ, не находилъ въ себѣ достаточно силы для сопротивленія волѣ народа, болѣе сильнаго и самобытнаго, который его побѣдилъ.

Ассимиляція въ наше время просвѣщенныхъ уже, до известной степени, народностей врядъ ли возможна. Если Англія завоевала бурскія республики; если въ 18-мъ столѣтіи раздѣлена была Польша и до того еще Австрією пріобщены были къ нѣмецкому союзу славянскіе народы Галиціи, Богеміи, Штиріи, Каринтіи и др. австрійскихъ земель, подвергавшіеся въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ сильнѣйшей германизациі; если чуждыхъ пять столѣтій подъ турецкимъ игомъ безнадежно страдали южные славяне; если, несмотря на это, ни одинъ изъ этихъ народовъ не лишился національныхъ своихъ особенностей: то подобное насильственное поглощеніе чуждыхъ народностей въ настоящемъ надо признать неосуществимымъ. Насколько невысказано въ будущемъ вполне независимое политическое существованіе маленькихъ народовъ, настолько же безразсудной нужно признать политику насильственнаго пріуподобленія чужихъ народностей. Малые народы сами будутъ искать опоры у крупныхъ государственныхъ единицъ и привяжутся къ нимъ, если ихъ не стѣснятъ въ ихъ народномъ бытѣ. Въ примиреніи малыхъ народовъ съ существованіемъ въ составѣ крупныхъ державъ обѣ стороны заинтересованы одинаково. Какъ великая міровая держава не можетъ обойтись безъ инородныхъ народностей, такъ эти послѣднія не могутъ существовать безъ первой. Удачное сочетаніе принципа великодержавной государственности, съ доброжелательнымъ отношеніемъ къ второстепеннымъ народностямъ— вполне возможно, при здоровомъ возрѣніи на вещи, отнюдь не допуская сепаратизма или вообще противной духу или интересамъ государства агитациі.

Съ націонализмомъ инородцевъ надо считаться, какъ государственнѣмъ дѣятелямъ великихъ странъ вообще, такъ и офицерскому составу великихъ армій, насчитывающихъ въ своихъ рядахъ значительный процентъ инороднаго элемента. Чего ради не побоятся идти на смерть въ рядахъ армій, сражающейся за нѣмецкіе интересы, напримѣръ, австрійскій славянинъ, воспитанный не въ принципахъ искренняго австрійскаго патріотизма, а въ гоненіяхъ, среди преслѣдованій славянской національности и вызванныхъ этимъ чувствахъ сенаратизма? Достаточно ли благонадеженъ будетъ солдатъ польской, литовской, татарской національности и, если, вообще, въ данной странѣ чувство народное будетъ подвергаться гоненію?

Счастье и благополучіе народовъ, подчиненныхъ другимъ, зависитъ отъ отношенія къ нимъ высшей власти; но отъ этого отношенія зависитъ также настроеніе и духъ массы инородныхъ солдатъ любой армій, а этотъ духъ для интересовъ армій не можетъ быть безразличенъ.

Между тѣмъ, какъ въ теоріи человѣчество осуждаетъ грубый національный эгоизмъ, народы все болѣе индивидуализируютъ свои культурныя и экономическія стремленія и ополчаются противъ сосѣдей. Опираясь на огромныя военныя силы, удвоенныя и утроенныя еще военными договорами, заключенными съ другими державами, они рѣзко выдвигаютъ свои интересы въ ущербъ чужимъ. Цинично люди мечтаютъ о примиреніи, обобщеніи этихъ интересовъ и о поднятіи благополучія человѣчества мирнымъ путемъ: народы добиваются его, бродя въ потокахъ крови, и не видно изъ этого выхода...

И не только наружно, но и внутри каждаго народа происходитъ постоянная борьба за власть и руководство. Всевозможные отбѣнки общественнаго мнѣнія, до самыхъ уродливыхъ включительно, имѣютъ своихъ представителей въ современномъ обществѣ. Самоотверженный горячій патріотизмъ однихъ, рядомъ съ особеннымъ политическимъ инстинктомъ другихъ, разнообразными заблужденіями и личными видами остальныхъ, образуетъ множество противныхъ другъ другу партій, которыя, расходясь все больше во мнѣніяхъ и облекая свои стремленія въ форму соблазнительныхъ для многихъ новыхъ доктринъ, все больше отчуждаются, не только другъ отъ друга,

но и отъ той общей цѣли, которая можетъ быть только одна и которая называется общею пользою.

Партійность и рознь—злѣйшій врагъ народовъ. Изъ за этого порока надъ многими изъ нихъ исторія закрыла свои страницы навсегда...

Сила въ единеніи, единодушїи, въ сильномъ, безстрашномъ союзѣ, въ сплоченіи одушевленныхъ силъ... Это признаетъ даже столь расшатанное, въ своемъ разладѣ, современное человѣчество. Опутанные отовсюду кознями, интригою и опасностями, созданными отчаянною политикою, народы ищутъ союзниковъ и стремятся къ объединенію всѣхъ родственныхъ народностей въ одну общую силу. Забывая старые счеты, сближаются народы, въ виду угрожающей всюду борьбы.

Несмотря на препятствія и тяжкія жертвы, въ 19-мъ вѣкѣ объединилась Италія и началось объединеніе нѣмецкихъ народовъ, но неоконченный процессъ сліянїя германскаго міра сложнѣе и требуетъ продолжительнаго времени. Подходить очередь также и для объединенія славянъ. Напомнило объ этомъ всему свѣту выступленіе и доблесть Балканскаго союза въ войнѣ съ Турціею. Напомнилъ объ этомъ даже и нѣмецкій канцлеръ, громко возвѣстившій о неизбѣжности борьбы со славянскимъ міромъ. Не спроста же глава старѣйшей нѣмецкой династіи высказалъ, что онъ предпочелъ бы быть простымъ нѣмецкимъ солдатомъ, чѣмъ славянскимъ государемъ; и не менѣе знаменательны, наконецъ, переданныя недавно французкой печатью слова одной очень высокопоставленной особы въ Германіи, публично выразившейся, будто «Германія должна еще завоевать себѣ подобающее ей мѣсто на земномъ шарѣ».

На самомъ-ли дѣлѣ существуетъ, какъ важный политическій факторъ, такъ называемый славянскій вопросъ, о которомъ такъ много пишутъ и говорятъ въ Европѣ? Если же существуетъ, то дѣйствительно-ли онъ представляетъ такую опасность для политическаго равновѣсія Европы, какъ это многіе утверждаютъ?

Для насъ, русскихъ, это вопросъ любопытный. Для насъ не можетъ быть безразлично близкое знакомство съ зарубежнымъ славянскимъ міромъ, уже въ виду великаго значенія для славянъ Россіи. Хотя западные славяне пока еще мало имѣютъ общаго съ Россіею, но кто знаетъ какъ обстоятельства сложатся въ будущемъ? Со своей стороны, западные славяне никогда не забывали о Россіи и даже на ратномъ полѣ изрѣдка братались съ нею. Въ битвѣ подъ

Грюнвальдомъ, въ 1410 году, западные славяне имѣли своихъ представителей и послѣ гуситскихъ войнъ, во 2 половинѣ 15-го столѣтія, доблестныя гуситскія войска являлись и въ Литву и въ Малоросію, гдѣ казаки переняли у нихъ военную организацію, тактическіе приемы и уставы. И въ другихъ войнахъ, имѣвшихъ значеніе для славянства, какъ, напримѣръ, въ послѣдней Русско-турецкой войнѣ, западные славяне участвовали, хотя бы въ качествѣ добровольцевъ.

По мѣткому выраженію президента Пуанкаре ²⁾, *цѣна сближенія и дружбы народовъ* (а слѣдовательно и славянская дружба съ Россіею), *опредѣляется суммой матеріальныхъ и моральныхъ ихъ силъ, т.-е. развитіемъ не только сухопутныхъ и морскихъ боевыхъ силъ, но въ особенности политическимъ илѣ символамъ вѣры и единствомъ національнаго чувства, составляющими величіе, славу и безсмертіе народовъ.*

Кто близко знакомъ съ политической жизнью и литературой нашихъ западныхъ сосѣдей, тотъ знаетъ, что, начиная съ середины прошлаго столѣтія, врядъ ли другой вопросъ такъ волновалъ страны, этнографически соприкасающіяся съ западными и южными славянами, какъ славянскій вопросъ. Для котораго тамъ придумали терминъ «панславизма». Это политическій призракъ... А между тѣмъ, если на Западѣ недостаточно знаютъ и своихъ мѣстныхъ славянъ, съ которыми близко ихъ связываетъ исторія цѣлыхъ тринадцати вѣковъ, тамъ почти вовсе не знаютъ восточныхъ славянъ (русскихъ), которыхъ болѣе всего они связываютъ съ представленіемъ о панславизмѣ. Дѣло въ томъ, что, по обычному на Западѣ представленію, великая Россія—это сказочная восточная страна, которая всячески манитъ къ себѣ всѣхъ другихъ славянъ, льнувшихъ къ ней, какъ планеты къ солнцу. Представленіе-же о ихъ сліянніи—это именно есть ненавистное для нихъ привидѣніе панславизма.

Однако, на Западѣ и не подозрѣваютъ, какъ мало еще славяне сами знаютъ и цѣнятъ другъ друга и какъ мало повинна именно Русь въ приписываемомъ ей, недоброжелателями ея, объединительномъ стремленіи славянъ.

Какимъ-же представляется, на самомъ дѣлѣ, положеніе современнаго славянскаго міра?

Если принять во вниманіе обычное, нормальное увеличеніе

²⁾ Взято изъ рѣчи, сказанной имъ по возвращеніи изъ Россіи во Францію, въ 1911 году.

населенія, то можно предположить, что въ настоящее время въ Россіи живетъ около 118,25 милліоновъ славянъ, а именно: 71,28 м. великороссовъ, 29,16 малороссовъ, 7,56 бѣлоруссовъ, 10 милліоновъ поляковъ и $\frac{1}{4}$ милл. остальныхъ славянъ (болгаръ, сербовъ, чеховъ и пр.).

Въ Австро-Венгріи, по тому-же приблизительному разсчету, имѣется около 29 милліоновъ славянъ; въ томъ числѣ: 11 $\frac{1}{2}$ милл. чеховъ, моравовъ и словаковъ, 5 милліоновъ мало- и угроруссовъ, 5 м. сербо-хорватовъ, 4 $\frac{3}{4}$ м. поляковъ и 2 $\frac{3}{4}$ м. словинцевъ.

Въ Пруссіи (бывшей, когда-то, въ началѣ своей исторіи, нѣмецкой колоніею среди славянскихъ земель) и въ прочей Германіи, по послѣднимъ свѣдѣніямъ нѣмецкаго «статистическаго ежегодника» къ 1 декабря 1910 г., считали 3,5 милл. поляковъ: полугерманизованныхъ поляковъ, признающихъ своимъ роднымъ языкомъ нѣмецкій и польскій—201 тысяча чел.; далѣе болѣе 203 тысячъ мазуровъ и 109 тысячъ кашубовъ. Кромѣ упомянутыхъ народностей польской группы, насчитывающей, за отчисленіемъ 101 тысячи чел. иностранныхъ подданныхъ, около 3,9 милліоновъ, въ Германіи живетъ 107,4 тысячъ чеховъ, 64,7 тысячъ вендовъ (сербовъ-лужичанъ), 13,2 тысячъ русскихъ и въ Саксоніи около 100 тысячъ лужичанъ, а всего въ Германіи около 4,2 милліоновъ славянъ.

На Балканскомъ полуостровѣ, въ новыхъ уже границахъ союзныхъ государствъ, можно считать: въ Болгаріи 4,4 милл. коренныхъ жителей и 2,2 милл. вновь приобрѣтенныхъ, а въ Сербіи и Черногоріи 3,2 милл. коренныхъ и 1,2 милл. приобрѣтенныхъ послѣ войны, что составитъ всего 11 милліоновъ славянъ (т.-е. 6,6 болгаръ и 4,4 сербовъ)³⁾.

Во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы живетъ около 320 тысячъ славянъ (больше всего въ Румыніи, Италиі, Греціи, Франціи); въ Америкѣ же и прочихъ частяхъ свѣта—не менѣе 600 тысячъ славянъ.

Такимъ образомъ, всѣхъ славянъ приблизительно 163 милліона; изъ нихъ проживаетъ въ Россіи 118,25 м. и внѣ Россіи 45,1 м. душъ.

³⁾ Эти цифры послѣ второй балканской войны измѣнились въ пользу Сербіи и Греціи.

Какъ же относятся разные славянскіе народы къ національной идеѣ вообще и къ идеѣ славянскаго объединенія въ особенности?

Интересъ Россіи къ славянамъ выразился еще призывомъ къ нимъ императора Петра I, въ 1711 году, затѣмъ горячимъ участіемъ къ славянству многихъ изъ его преемниковъ и, въ особенности, цѣлымъ рядомъ походовъ противъ Турціи, завершившихся освободительною войною 1877 года. Южно-славянскіе и прочіе христіанскіе народы были освобождены отъ позорнаго турецкаго ига Россіей, пожертвовавшей для нихъ столь многимъ... Неудивительно, если среди русскихъ военныхъ, всѣхъ степеней, славянская идея всегда насчитывала много приверженцевъ. Но немногіе увлекались ею такъ, какъ генераль М. Д. Скобелевъ. Въ своихъ рѣчахъ, произносимыхъ передъ нашими офицерами и потомъ за границею, онъ нерѣдко выходилъ за предѣлы политической сдержанности, открыто нападая на нѣмцевъ и Германію. Это обстоятельство создало даже легенду, будто онъ былъ отравленъ 26 іюня 1882 года.

Во время турецкихъ походовъ и, въ особенности, въ Сербско-турецкую войну 1876 и послѣдовавшую затѣмъ Русско-турецкую кампанію 1877—1878 г.г., симпатіи Россіи къ турецкимъ славянамъ выражались общимъ порывомъ одушевленія и горячими манифестаціями всего русскаго народа, крупными жертвоуношеніями въ пользу славянъ, отправкою русскихъ добровольцевъ въ Сербію и, наконецъ, упомянутой войною и освобожденіемъ славянъ.

Чрезвычайно важное историческое значеніе, для идеи славянской солидарности, имѣетъ послѣдняя Высочайшая телеграмма къ монархамъ Болгаріи и Сербіи, отправленная въ то время, когда обѣ эти державы готовились къ «братоубійственной войнѣ».

Но, къ сожалѣнію, давнія и испытанныя симпатіи Россіи и русскихъ къ южнымъ славянамъ часто омрачаются неровнымъ настроеніемъ этихъ послѣднихъ, вытекающимъ изъ подстрекательствъ враговъ славянъ противъ Россіи.

Что-же касается отношеній русскихъ къ остальнымъ западнымъ славянамъ (за исключеніемъ поляковъ), то, за небольшими исключеніями, русскіе менѣе съ ними сносились, чѣмъ съ южными славянами, и мало ихъ знали. За изъятіемъ единичныхъ случаевъ, попытокъ къ сближенію съ ними не было. Официальныхъ сношеній съ ними, разумѣется, быть не могло, если не считать, напр., приѣма ихъ представителей на этнографической выставкѣ въ Москвѣ или

учрежденія, въ свое время, въ г. Дрезденѣ бывшей учительской семинаріи для западныхъ славянъ и сношеній нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ нашихъ дѣятелей съ славянскими учеными, которымъ иногда были жалуеты русскіе ордена.

Болѣе или менѣе сердечныя отношенія съ западными славянами и въ особенности съ чехами изрѣдка поддерживали наши славянофилы, но небольшой ихъ кружокъ имѣлъ мало вліянія на широкіе круги русскаго народа. Многіе считали ихъ ретроgrадами, ненавистниками просвѣщеннаго Запада, стремящимися къ грубой старинѣ. Это, однако, несправедливо. Вначалѣ они руководствовались національной идеею и соображеніями, вытекающими изъ движенія среди турецкихъ и австрійскихъ славянъ, подвергаясь, впрочемъ: вліянію нѣмецкой философіи. Въ 40-хъ годахъ они разошлись съ западниками, принявъ болѣе консервативное направленіе; послѣ революціоннаго движенія 1848 г. стали на одностороннюю точку зрѣнія, что Западъ гніеть и Австрія погибла; девизомъ ихъ было, православіе, самодержавіе и народность. Рельефно опредѣлили теорію славянофиловъ Данилевскій, въ своей книгѣ «Россія и Европа», установивъ теорію неизмѣнныхъ культурно-историческихъ типовъ, изъ которыхъ выше всѣхъ поставилъ славянскій типъ съ духовнымъ направленіемъ, рѣзко противоположнымъ германскому Западу.

Во время славянскаго движенія 1875 года, Турецкой войны 1877 г. и послѣдней Балканской войны, славянскія благотворительныя общества развили большую дѣятельность въ пользу славянъ.

Въ послѣднее время симпатіи славянофиловъ сосредоточиваются почти исключительно только на славянскихъ народахъ православнаго вѣроисповѣданія, т.-е. на болгарахъ, сербахъ, черногорцахъ и галиційскихъ малороссахъ, между тѣмъ какъ отъ западныхъ славянъ (чеховъ, хорватовъ, словинцевъ) выдающіеся дѣятели этого лагеря отворачиваются, упрекая ихъ въ тяготѣніи къ Риму, къ Австріи, къ польской идеѣ и къ полякамъ и въ равнодушіи къ православной Россіи. Это ошибка, свидѣтельствующая о неполномъ пониманіи настроенія западныхъ славянъ и о слишкомъ одностороннемъ взрѣніи на общеславянскіе интересы. Если бы дѣятели германскаго объединенія придавали такое-же значеніе вѣроисповѣднымъ различіямъ, какъ наши славянофилы, то великой Германіи вовсе бы не было, такъ какъ нѣмецко-католическій югъ никогда бы не слился съ лютеранскимъ сѣверомъ. Нѣмецкіе-же натріоты, безъ различія

въроисповѣданій, разсуждали иначе: у нихъ общегерманскіе интересы сводились къ одному, а въроисповѣдныя вопросы совершенно къ другому предмету. Борясь за первые, они не затрагивали вторыхъ и съ твердою увѣренностью клали основаніе для будущаго величія общей своей родины, между тѣмъ какъ въроисповѣданіе они считали дѣломъ совѣсти каждой отдѣльной личности.

А. Червинка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

